

УДК 347.61 (470 «1920-Е ГГ.»)

ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ СЕМЬИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е ГОДЫ

© 2019 г.

*П.Я. Циткилов*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск

petrcitkilov@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.04.2018

Рассматривается процесс институциональной стабилизации советской семьи в 1920-е годы, которой в определённой мере удалось достичь после гражданской войны и ослабления семейных устоев. Показано, что проявлениями такой стабилизации стали: признание за семьёй особой роли в функционировании хозяйственно-экономической сферы общественной жизни; развитие системы социального обеспечения семьи; изменение законодательства в сторону укрепления общих начал семейной собственности, обеспечения большего равенства между супругами и др. Проанализированы и некоторые ошибочные меры в семейной политике тех лет, выразившиеся в неоправданной либерализации отдельных процедурных вопросов брачных отношений. Но это лишь частично сдерживало процесс стабилизации советской семьи в рассматриваемый период.

Ключевые слова: советская семья, институциональная стабилизация семьи, социальное обеспечение семьи, семейное законодательство.

В период революции и гражданской войны в России 1917–1920 гг. семья как социальный институт претерпела серьёзные изменения. Отдельные стороны её традиционного быта были ослаблены. Снижился уровень семейной морали, оказались отвергнуты некоторые важные правовые нормы семейного регулирования, что свидетельствовало об ослаблении семейных устоев. Поэтому на следующем этапе исторического развития страны в 1920-е гг. требовалась её институциональная стабилизация. Без укрепления института семьи тогда нельзя было рассчитывать на успех экономических преобразований.

Как известно, переход к новой экономической политике, развитие различных социально-экономических укладов позволили оживить советскую экономику. В результате удалось не только восстановить народное хозяйство, разрушенное в годы гражданской войны, но и развернуть процессы, положившие начало советской модернизации, индустриализации страны.

Непростая экономическая ситуация в современной России, серьёзные внешние вызовы требуют осуществления разворота нашего государства на созидание, на возрождение отечественной промышленности, отраслей машиностроения. Объективной потребностью становится новая индустриализация. А это **актуализирует** осмысление опыта нэповской практики не только в хозяйственной области, но и в социальной политике, включая семейную сферу.

В современной научной литературе по рассматриваемой теме ряд авторов негативно оценивают государственную политику в отноше-

нии брака и семьи, проводившуюся в Советской России в 1920-е годы. Некоторые из них полагают, что данная политика была направлена на уничтожение этих институтов [1, 2]. Другие авторы считают, что государство в те годы якобы отказалось от обеспечения нетрудоспособных граждан, пытаясь тем самым сохранить за советской семьёй хозяйственные и воспитательные функции, традиционно находившиеся в ведении женщин. А это, по их мнению, препятствовало действительному раскрепощению женщин в рамках семейных отношений [3, с. 4, 18, 31]. Следовательно, судя по вышеназванным оценкам, советская власть вела дело к дальнейшей дестабилизации семьи.

В данной статье сделана попытка обоснования иной позиции в отношении семейной политики в Советской России. Дана аргументация авторского суждения об институциональной стабилизации семьи в нашей стране в 1920-е годы. В этом, прежде всего, заключается научная новизна работы.

Семейная политика, проводившаяся в годы НЭПа, имела определённые противоречия и сложности. Но, несмотря на это, советскому государству удалось тогда достичь **определённой институциональной стабилизации семьи**. Основными проявлениями этого процесса стали: *признание за семьёй особой роли в хозяйственно-экономической сфере общественной жизни; развитие системы социального обеспечения семьи; изменение законодательства в сторону укрепления общих начал семейной собственности, обеспечения большего равенства между супругами; улучшение качественных*

параметров жизни, включая её продолжительность; усиление роли семейных ценностей в общественном сознании и др.

В рассматриваемый период российская семья была признана важнейшей хозяйственной структурой жизнедеятельности общества. В Земельном кодексе РСФСР (1922 г.) отмечалось, что крестьянский двор является не просто производственным коллективом, а представляет собой семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство. Членами двора считались как все наличные его участники (включая малолетних и престарелых), так и ушедшие временно на трудовые заработки. Состав двора увеличивался в случаях брака и приачества (приема во двор новых членов), а также уменьшался при выходе из него членов данного семейно-трудового объединения или по причине их смерти [4]. Такой подход означал отказ от прежних упрощённых взглядов на процессы эволюции семьи в сторону якобы обязательного обобществления её важнейших функций.

Статус крестьянской семьи как хозяйственной структуры жизнедеятельности теперь нормативно оформлялся не на основе прежнего жесткого патриархального начала, а с соблюдением принципа равных прав и возможностей супругов. Домохозяином как представителем двора по его хозяйственным делам мог быть не только мужчина, но и женщина.

Следует отметить, что в ряде регионов страны женщины в 1920-е годы становились не только домохозяйками крестьянского двора, но и руководителями территориальных сельских хозяйств. По архивным данным, например, в 1924 году 60% сельских хозяйств Донской области управлялись женщинами [5]. И связано это было не только с политикой по раскрепощению женщин, по активному вовлечению их в производство, но и с вынужденными реалиями того времени. Ведь страна только выходила из тяжёлых демографических последствий Первой мировой и Гражданской войн с их преимущественно мужскими потерями.

Земельным кодексом также было предусмотрено, что по заявлению членов семейно-трудового объединения, в случае нерадивого ведения хозяйства, домохозяина могли заменить другим лицом, из состава этого же объединения (двора). Для такого постановления волостного исполнительного комитета требовалось заключение сельского совета. В полномочия сельсовета входило и назначение опекунов для несовершеннолетних членов крестьянского двора, оставшихся без попечения родителей.

В 1920-е годы *развитие получила система социального обеспечения семьи*. Она включала в

себя следующие компоненты: предоставление социальных пособий (женских, детских, по инвалидности), включая специальные единовременные, льгот (женщинам с детьми, инвалидам); создание приютов для беспризорников и лиц, лишённых родительского попечения, и др.

Декретом Совнаркома РСФСР «О социальном обеспечении при временной нетрудоспособности и материнстве» от 9 декабря 1921 г. были определены правовые гарантии беременным женщинам и роженицам, имевшим грудных детей. Этим нормативным актом *размер пособия застрахованным в случае беременности и родов лицам устанавливался в размере их среднего фактического заработка*. Беременные женщины на период времени 8 недель до и 8 недель после родов освобождались от трудовой деятельности. Роженицам устанавливались дополнительные пособия (единовременное пособие на предметы ухода, пособие на кормление ребёнка) [6]. Для работниц, кормящих ребёнка грудью, устанавливались перерывы через каждые три часа работы на срок не менее получаса. КЗоТ РСФСР 1922 года освобождал от обязательного трудового найма женщин, имевших детей до 8 лет, при отсутствии лиц, ухаживавших за ними.

Развивалась система помощи семьям, где дети утратили кормильцев. В середине 1920-х годов таким семьям существенно было увеличено пособие. Если в 1923 году его размер составлял 3 руб. 23 коп., то в 1927 году – 15 руб. 29 коп. [7, с. 8].

Показателем заботы государства о женском здоровье явился значительный рост числа женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий. Если в 1922 году их насчитывалось 0,3 тыс., то к концу 1939 года – 8,6 тыс., значительная часть из которых была создана в 1920-е годы. Число врачебных и акушерских коек для беременных женщин, рожениц за тот же период увеличилось с 6,8 тыс. до 147 тыс. [8, с. 541], то есть более чем в 20 раз.

Однако не следует абсолютизировать позитивные меры, осуществлённые в годы НЭПа органами власти по поддержке материнства, оказанию помощи семьям с детьми. Экономические возможности советского государства были тогда ещё недостаточными, чтобы в должной мере обеспечить семьи детскими дошкольными учреждениями и выдерживать повсеместно необходимые для женщин санитарно-гигиенические нормы. Особенно проблематично было решать эти задачи в первой половине 1920-х годов. Как справедливо в связи с этим отмечали исследователи П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова, на предприятиях именно в тот период не всегда соблюдались правовые

нормы в области охраны труда женщин. И далее они приводили архивный документ, свидетельствовавший о том, что работницам-прачкам саратовского Дома младенцев приходилось порой стирать бельё босыми ногами на холодном полу [9; 10, с. 287].

Государственные гарантии *материальной поддержки семей, нуждавшихся в помощи*, распространялись преимущественно на городское пространство. Нуждающимися в такой помощи признавались лица, которые не имели прожиточного минимума либо были нетрудоспособны. Этот статус присваивался губернскими отделами социального обеспечения после исследования объективности заявления конкретных лиц и семей, их материального положения и условий жизни. В таком случае супруг мог в добровольном порядке согласиться на то, чтобы самому обеспечивать близкого человека, нуждавшегося в поддержке. Если же он не был в состоянии осуществлять попечение, то соответствующие территориальные отделы социального обеспечения могли обязать к этому его детей или других близких родственников.

Определённую поддержку нуждающимся гражданам в виде *единовременного пособия* оказывало государство. Если выяснялось, что лицо, на содержании которого находились иждивенцы, не имеет своих хозяйственных построек, рабочего скота, птицы, земли и необходимого для её обработки инвентаря, а также запасов зерна и другого имущества, то оно могло рассчитывать на получение специального пособия от государства [11].

Направленность государственной системы социального обеспечения на оказание помощи преимущественно городским жителям в стране с преобладающим крестьянским населением не означала, что «государство отказалось от обеспечения нетрудоспособных граждан». В сельской местности функции социального обеспечения были возложены на крестьянские комитеты (общества) взаимопомощи, создаваемые в стране с 1922 года. Они оказывали помощь сельским инвалидам, сиротам, крестьянской бедноте, семьям красноармейцев. Последние могли рассчитывать на получение пособий, ссуд, содействие в обработке земли. Крестьянские общества взаимопомощи создавали также запасные магазины, проводили общественные запашки, отпускали стройматериалы, помогали школам, больницам, инвалидным домам и др. *На начальном этапе своего существования эти общества более чем на четверть финансировались государством, но со временем стали переходить на собственное обеспечение* [12, с. 346]. В 1930-е годы они были преобразованы в кассы

взаимопомощи колхозникам. Кроме этих касс и сами коллективные хозяйства занимались вопросами социального обеспечения. По Уставу сельхозартели (1935 г.) предусматривалось создание специальных фондов помощи престарелым и нетрудоспособным колхозникам. Из средств этих фондов и осуществлялись меры социального обеспечения данной категории населения.

Особое внимание советское государство уделяло *социальному обеспечению семей с инвалидами*. Наряду с их пенсионным обеспечением предусматривались меры государственной поддержки инвалидов производственных и производственно-потребительских объединений. Декретом Совнаркома РСФСР «О социальном обеспечении инвалидов» № 672 от 12 августа 1921 г. местные органы государственной власти обязывались при предоставлении помещений, необходимых для производственной деятельности, предоставлять инвалидным предприятиям преимущества перед другими объединениями и частными лицами. Эти объединения освобождались от всех общегосударственных и местных налогов, сборов [13]. Кроме того, территориальные органы социального обеспечения обязывались оказывать всяческое содействие инвалидным объединениям по вопросам нахождения и приобретения необходимых материалов, сырья, орудий, а также в отношении снабжения их заказами и организации сбыта продукции. Такие меры способствовали росту численности инвалидных трудовых артелей и производств. По данным на начало марта 1926 года, в Донском округе РСФСР было создано 58 предприятий производственной кооперации инвалидов, на которых трудилось 823 лица с ограниченными возможностями [14, с. 39].

С целью поддержки семей с инвалидами территориальные органы советской власти стали предоставлять инвалидам право на торговлю по бесплатным патентам. Например, в г. Ростове-на-Дону только за период с октября 1925 по март 1926 г. количество инвалидов, получивших такой патент, возросло с 147 до 227 человек [13, с. 39].

После Первой мировой и Гражданской войны в нашей стране значительно *увеличилось количество беспризорных детей*. В 1921 г. их число составляло 4–6 млн человек [15]. Уже в январе 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР издал постановление об образовании Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссия). Её председателем стал Ф.Э. Дзержинский. В комиссию, наряду с работниками ВЧК, вошли представители наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия, труда, рабоче-крестьянской инспекции, ВЦСПС. Эта комис-

сия на местах имела своих уполномоченных. Вскоре ею были созданы соответствующие отделы при губернских советах народных депутатов. Эти отделы наделялись правом законодательной инициативы по вопросам спасения и устройства детей.

Для беспризорников и детей, лишённых родительского попечения, в массовом количестве стали открываться детские дома и приюты. Если в 1919 г. в детских домах воспитывалось 125 тыс. детей, то в 1921–1922 годах – 540 тыс. [16].

Для нормального функционирования детских домов и приютов не хватало иногда самого необходимого (посуды, одежды, постельных принадлежностей и др.). Судя по архивным данным, местные власти зачастую обращались к населению с просьбами помочь в обустройстве детей [17; 18, с. 132]. И люди делились тем, что имели.

На предприятиях были введены специальные квоты в семь процентов для производственного обучения и трудоустройства подростков. Через двести приемников-распределителей, созданных в 1921 году, в первый год целенаправленной государственной борьбы с беспризорностью прошло более 540 тысяч детей [16].

В середине 1920-х годов возникла потребность в развёртывании сети специальных приютов для детей и подростков, склонных к правонарушениям. В 1926 году президиумом Донского окружного исполнительного комитета было принято решение о создании первого краевого исправительно-трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей. Для этого целевым образом были направлены примерно в равных пропорциях средства Донского округа и Министерства внутренних дел страны. Затем стал вопрос о месте его размещения. Ещё в период революции и гражданской войны здание Новочеркасского духовного училища в связи с прекращением его функционирования было передано под военный госпиталь. К середине 1920-х годов большая часть помещений здания пустовала. Поэтому было принято решение о его передаче под учреждение для трудных подростков. Первый пункт данного постановления был прописан следующим образом: «Здание быв. Духовного училища, как наиболее подходящее под исправительно-трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей и ныне пустующее – передать в ведение Управления мест заключения для указанной надобности» [19].

Затраты на содержание детских приютов и других социальных учреждений для детей и подростков частично были включены в общее финансирование, направляемое государством на социальное обеспечение. За исследуемый период наблюдалась тенденция роста таких

суммарных затрат. И это подтверждают региональные данные. Так, если в 1924–1925 гг. из бюджета Северо-Кавказского региона на эти нужды было выделено 888 тыс. 836 руб., то в 1927–1928 гг. – 2 млн 672 тыс. руб. [20, с. 17].

Благодаря системным мерам, предпринятым советским государством в рассматриваемый период, удалось снять остроту проблемы детской беспризорности. В 1921 г. беспризорников насчитывалось более 6 млн человек, в 1923 г. – 4 млн, в 1924 г. – 280 тыс., в 1926 г. – 250 тыс., а в 1928 г. – 159 тыс. человек [21].

В нэповской России стала возрождаться практика передачи детей из детских домов на воспитание в семьи ремесленников, кустарей, крестьян и других социальных слоёв населения. Приёмные родители получали от государства определенную компенсационную поддержку. Крестьянам, например, предоставляли дополнительный земельный надел на каждого взятого из детдома ребёнка, освобождали их на три года от уплаты единого налога, выдавали единовременное пособие, а также предоставляли подопечному право бесплатного обучения в школе.

Широкомасштабные преобразования в аграрной сфере, связанные в конце 1920-х годов с колхозным строительством, расширили возможности использования семейного патроната в условиях сельской местности. В различных регионах страны были созданы *территориальные объединения – колхозные союзы*. Они, наряду с хозяйственными вопросами, занимались решением социальных проблем, включая семейное устройство детей, лишённых родительского попечения. Так, в 1929 г. Северо-Кавказский крайколхозсоюз распределил по колхозам около 1,5 тыс. воспитанников детских домов [22]. Они были переданы на воспитание в семьи. Кроме того, были созданы условия для получения ими необходимой профессии.

С целью обеспечения институциональной стабилизации советской семьи, а также приведения семейно-брачных норм в соответствие с новыми реалиями жизни, в 1920-е годы *были внесены определённые изменения в семейное законодательство, направленные на обеспечение большего равенства между супругами и укрепление общих начал семейной собственности*. Новой Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО), принятый в 1926 году, изменил брачный возраст. Он теперь устанавливался в восемнадцать лет не только для мужчин, но и для женщин. Были исправлены некоторые ошибки и перегибы в семейном законодательстве, допущенные в 1917–1920 гг.

Семейным кодексом было провозглашено *равенство прав супругов в зарегистрированном*

и незарегистрированном браке. В результате официальная регистрация брака становилась необязательной процедурой. Принятие такой нормы во многом противоречило настроениям в обществе и в содержательно-правовом отношении не было бесспорным. Это подтверждают некоторые публикации за 1926 год под рубрикой «Обсуждаем новый проект закона о брачном и семейном праве» на страницах различных печатных изданий страны, а также материалы публичных диспутов по соответствующей тематике, проводившихся в преддверии его принятия. Например, в публикациях северо-кавказской краевой газеты «Молот» критически оценивалось положение проекта этого Кодекса о необязательности регистрации брака. Многие читатели предлагали «оставить регистрацию брака», «уточнить положение о медицинском освидетельствовании брачующихся» и др. [23]

7 января 1926 г. в г. Ростове-на-Дону состоялся публичный диспут на тему «О новом брачном законопроекте», на котором наибольшие дискуссии вызвало положение об установлении равенства между фактическим и зарегистрированным браком. Одна из защитниц нововведения, Шиллер, утверждала, что брак – это не юридическое, а лишь фактическое состояние. По её мнению, если признавать только браки зарегистрированные, то «пострадает слабая сторона, женщина и ребёнок» [24]. Однако большинство участников диспута отстаивали необходимость сохранения нормы об обязательной регистрации брака. Как они полагали, правовое уравнивание законного брака и сожителства спровоцирует рост последнего, ослабит устойчивость семьи. Забегая вперёд, следует отметить, что во многом так и получилось.

Кодекс законов о браке, семье и опеке (1926 г.) заменил норму раздельности супружеского имущества режимом его общности. В третьей главе данного нормативного документа было записано: «Имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, остается раздельным их имуществом. Имущество, нажитое супругами в течение брака, считается общим имуществом супругов. Размер принадлежащей каждому супругу доли в случае спора определяется судом» [25]. Права супругов в отношении пользования землей и в отношении имущества общего пользования в составе крестьянского двора определялись 66-й и 67-й статьями Земельного кодекса (1922 г.). *Теперь труд женщин в домашнем хозяйстве мог быть приравнен к труду мужчин на производстве.* Этим законодательство предполагало обеспечить принцип равенства супругов.

На стадии обсуждения проект семейного Кодекса вызвал много нареканий в крестьян-

ской среде. Ведь крестьяне жили преимущественно большой (расширенной) семьёй, состоявшей из нескольких нуклеарных образований. Поэтому при разводе раздел имущества или взыскание алиментов с одного человека бременем ложилось на семейное сообщество в целом. С учётом данного обстоятельства в семейном Кодексе была предусмотрена норма, в соответствии с которой размер алиментов определялся не хозяйством всей семьи, не величиной её земельного участка, не количеством скота и сельскохозяйственного инвентаря, а лишь долей ответчика на доходы хозяйства в натуральной или денежной величине. Такой подход позволил учесть сельскую специфику и избежать по этому поводу социального напряжения в обществе.

Новым семейным Кодексом был восстановлен институт усыновления, поспешно отменённый в 1918 году. Теперь на законном основании стало осуществляться усыновление в отношении несовершеннолетних детей. Однако нельзя было усыновить ребёнка лицам, лишённым права на опеку. Процедура усыновления не являлась тогда в обязательном порядке судебной. В третьей главе Кодекса было прописано, что усыновление производится постановлением органов опеки и попечительства и подлежит регистрации в общем порядке в органах записей актов гражданского состояния [25]. При наличии родителей усыновляемого или в случае нахождения его под опекой, попечительством, для усыновления требовалось согласие не лишённых родительских прав родителей, опекунов, попечителей. При усыновлении ребёнка лицом, состоящим в браке, требовалось согласие другого супруга.

В судебном порядке мог быть возбужден иск об отмене усыновления любым лицом или учреждением, если этого требовали интересы ребенка. В случае же отмены усыновления суд принимал решение об отобрании ребенка от усыновителя, передаче его на попечение органов опеки и попечительства. Кроме того, суд мог присудить ребенку содержание с усыновителя.

Семейным законодательством *упростились некоторые процедурные вопросы, касавшиеся отношений супругов.* Развод теперь производился не в суде, а в органах записей актов гражданского состояния (ЗАГС). Для его получения было достаточно одному из супругов, заплатив небольшую пошлину (в 1926 г. – три рубля), явиться в ЗАГС, куда второй супруг мог даже не вызываться. Последнему в таком случае поступало сообщение о факте развода.

В 1926 г. была упрощена процедура определения отцовства по отношению к внебрачным детям. Запись об отце таких детей производи-

лась по заявлению матери, без предоставления каких-либо доказательств, подтверждающих это.

Вопреки широкому общественному мнению, всё же были уравнены в правах официальные (зарегистрированные) и консенсуальные (незарегистрированные) браки. По новому семейному Кодексу женщина могла получить право на алименты и содержание от сожителя в случае доказанного супружеского проживания. Критериями этого служили: ведение общего хозяйства, совместное сожительство и воспитание детей, свидетельствование супружеских отношений со стороны нескольких (не менее трех) лиц.

Новая власть, уравнивая в правах зарегистрированные и «гражданские» браки, упростив процедуру развода и определение отцовства, стремилась обеспечить более полную реализацию принципа равенства супругов. Однако на деле *такая либерализация законодательства обернулась некоторым ослаблением семейного уклада.*

Как и предполагали многие эксперты, приравнивание фактического брака к законному расширило практику параллельного существования нескольких сожительства или сосуществования зарегистрированного брака с неофициальным «супружеством». Всё это привело к определённому росту числа разводов, популяризации кратковременного сожительства. Данная тенденция была характерна прежде всего для городского пространства. В рассматриваемый период численность официальных разводов в городах увеличилась примерно вдвое [26]. Так, в Москве в 1925 году на каждые 100 браков приходилось около 41 развода, в 1926 – 47,7, а в 1927 – 74,16 развода [21]. Схожая ситуация была и в других крупных городах страны. В провинции же, особенно в сельской местности, устойчивость патриархальных основ брака сохранялась. Например, в 1927 г. коэффициент разводимости в Москве составлял 9,3%, а в европейской части России – 2,7% [27].

Но было бы упрощением видеть причину ослабления устойчивости семьи лишь в юридической норме уравнивания прав по отношению к ребёнку (детям) законных супругов и сожителей. Ведь в данном случае защищались интересы ребёнка, его право на материальное обеспечение со стороны фактического отца. *Проблема здесь была в другом – в закреплении в общественном сознании представлений о дозволенности сожительства.* А стало это возможным и благодаря снижению роли Церкви в общественной жизни, включая ограничение её участия в защите традиционных устоев семьи. Исторически православие, осуждая сожителей, проявляло заботу о детях, рождённых от них.

Ещё в середине XIX в. святитель Феофан Затворник писал, что нельзя признавать законным незаконное сожительство, но при этом нужно помнить о неповинности детей, которые должны быть обеспечены всем необходимым. «Мне думается, – продолжал он, – можно бы так решить: оставляя незаконность на челе рождающих, признавать законным воспитание и пристроение рождённых и требовать его от родивших» [28]. В 1920-е годы советская власть в законодательном отношении в некоторой мере пыталась обеспечить такой подход. Однако из-за отсутствия должного взаимодействия с Церковью данная правовая норма не была подкреплена необходимым воздействием на нравственные основы массового сознания, на духовное состояние народа.

В период НЭПа с целью обеспечения большей устойчивости семьи органы советской власти на законодательном уровне объявили *борьбу с социальными девиациями, включая проституцию.* Уголовным кодексом РСФСР (редакции 1922 и 1926 г.) в судебном порядке наказывались те лица, которые принуждали женщин к проституции, вербовали их для данной цели, занимались сводничеством, содержали притоны. За эти действия с 1926 г. предусматривалось лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества. По фактам сводничества и организации притонов в 1924 г. в РСФСР (без Дальневосточного края и автономных республик) было возбуждено 2256 уголовных дел, в 1925 г. – 2987 дел, в 1926 г. – 2365 дел [29, с. 95]. Хотя до суда доходило меньшее количество лиц из числа обвиняемых в таких преступлениях, но граждане страны видели, что наказание за эти деяния наступает. Сводники отбывали реальные сроки и лишались своего имущества.

Нововведениям семейного законодательства периода 1920-х гг. нельзя дать однозначную оценку. Облегчение процедуры развода, уравнивание в правах зарегистрированных и фактических браков, нацеленные изначально на достижение большего равенства между супругами, *не были подкреплены необходимым уровнем религиозно-нравственного обеспечения семейной политики,* что осложняло процесс стабилизации сферы семейных отношений. Однако такие изменения, как установление режима общности супружеского имущества, восстановление института усыновления, несомненно, способствовали укреплению семьи.

Следующим проявлением институциональной стабилизации семьи в рассматриваемый период стало *улучшение некоторых качественных параметров жизни, включая средний рост её ожидаемой продолжительности и др.* В

СССР в 1926–1927 годах этот показатель по сравнению с дореволюционным периодом (данными переписи 1896–1897 гг.) увеличился почти на 12 лет с 30.54 года средней ожидаемой продолжительности жизни до 42.93 года [30, с. 164]. В последующие годы советской власти этот показатель в целом продолжал расти, достигнув в 1958–1959 гг. высокого уровня в 69 лет [31, с. 684].

Благодаря наращиванию численного потенциала, наша страна стала приближаться к величине внутреннего рынка, достаточного для производства всего комплекса современного по тем временам машиностроения. В 1922 г. численность населения СССР составляла 136.1 млн человек. Уже через четыре года, в 1926 г., оно составляло 147 млн, а в 1940 году достигло 194.1 млн человек [32, с. 9; 33, с. 34–51, 8–25]. В результате формировался объёмный внутренний рынок, который был минимально необходим для самодостаточного развития экономики, включая тяжёлую промышленность.

В 1925–1926 гг. в среднем по промышленно-сти заработная плата рабочих достигла довоенного периода. Ряд авторов, опираясь на документы региональных архивов, приходят к обоснованному выводу, что тогда удалось «стабилизировать материальное положение советского населения». Как подтверждают материалы диссертационного исследования Г.Г. Корноуховой, со второй половины 1920-х годов население, например, Астраханской области стало питаться лучше, чем это было до 1917 года [34]. О позитивной динамике в продовольственном потреблении городского населения нашей страны свидетельствуют статистические и документальные данные. Если потребление муки, хлеба, рыбы в граммах на душу населения в день в семьях рабочих с 1925 по 1927 г. осталось почти без изменения, то потребление масла коровьего возросло с 9 до 12, мяса – со 154 до 156, сала – с 7 до 9, молока – со 176 до 191, сахара – с 32 до 45, яиц – с 6 до 10 [35–37].

В 1920-е годы в определённой мере улучшилось питание и крестьянских семей. Если до НЭПа ежегодное потребление ими хлеба составляло 217 кг на душу, то в 1928 г. – 250 кг, а мяса соответственно с 12 кг (до 1917 г.) до 25 кг [38]. Позитивная динамика просматривается и в потреблении продуктов питания крестьянами (в граммах на душу в день) применительно к периоду до 1928 года, когда из-за кризиса хлебозаготовок была введена карточная система. Так, с 1925 по 1927 г. потребление ими муки и хлеба, крупы и бобовых, картофеля, масла коровьего, сала, рыбы осталось почти без изменения, а масла растительного возросло с

8.1 до 10.2, мяса – с 84 до 96, молока – с 226 до 242, сахара – с 7.9 до 15.2 [39, 40, 37].

Показателем институциональной стабилизации семьи к концу 1920-х гг. явилось также усиление, по сравнению с первыми годами советской власти, значения семейных ценностей в общественном сознании. После периода их ослабления в годы революции и гражданской войны теперь вновь в массовом восприятии стала возрастать роль брака, признаваться традиционная норма верховенства и ответственности мужа за сохранение семьи. В определённой мере это подтверждают материалы Всесоюзной переписи 1926 г. В ходе её проведения почти всегда главами семей жены называли мужей [26]. Это можно рассматривать и как сохранение в общественном сознании, в быту религиозной нормы верховенства мужа в семье.

Возрастание роли семейных ценностей было характерно не только для жителей села, но и для населения городского пространства. Подтверждением служит тот факт, что рост числа рабочих семей обгонял рост рабочего класса в целом [26].

Тенденция некоторого усиления роли семейных ценностей в массовом сознании нашего народа в значительной мере стала возможна благодаря сохранению традиционно-религиозного компонента в облике семьи. Этому в некоторой мере способствовала и политика терпимости советского государства по отношению к Церкви в середине 1920-х годов. В этой связи можно сослаться на мнение американского профессора истории Грегори Фриза. Он в своих статьях, историографических обзорах констатировал, что в 1923 г. советская власть перешла в отношениях с Церковью от конфронтации «к более сдержанной политике». По его мнению, тогда была «принята новая религиозная политика», являвшаяся «культурной частью новой экономической политики» [41]. Следовательно, институциональной стабилизации семьи способствовало и определённое восстановление позиций религии, утраченных в период революции и гражданской войны. Однако, к сожалению, этот конструктивный поворот власти к Церкви, к религиозным семейным ценностям не был системным, прерываясь антирелигиозными кампаниями и периодами притеснения Церкви.

Выводы. При всех сложностях и противоречиях развития в нашей стране в исследуемый период наблюдался процесс институциональной стабилизации семьи. Во-первых, это проявилось в укреплении её хозяйственно-правовых основ. Крестьянский двор получил юридический статус как семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство. Осо-

бенностью такой крестьянской семьи-хозяйства было то, что она теперь в структурно-управленческом отношении строилась с соблюдением принципа равных прав и возможностей супругов.

Во-вторых, в период НЭПа получила развитие система социального обеспечения семьи. Она теперь выстраивалась на новой основе с учётом функционирования товарно-денежных отношений. Во многом сохранялись патриархальные принципы жизнедеятельности семьи (особенно в сельской местности), приобретая советскую специфику, направленную на обеспечение большего равноправия супругов, что способствовало институциональной стабилизации семьи.

В-третьих, на обеспечение устойчивости советской семьи были в определённой мере направлены и изменения в семейном законодательстве. Новой Кодекс законов о браке, семье и опеке (1926 г.) призван был юридически обеспечить большее равенство между супругами и укрепить основы начала семейной собственности. Была заменена норма раздельности супружеского имущества режимом его общности, восстановлен институт усыновления. Однако новации в семейном праве тех лет носили противоречивый характер. Поспешная либерализация ряда брачных норм (установление равенства прав супругов в зарегистрированном и незарегистрированном браке, упрощение процедуры развода и определения отцовства и др.) оказала определённое негативное влияние на процесс институциональной стабилизации семьи. Это выразилось в росте числа разводов и сожительствах, в увеличении количества внебрачных детей.

В-четвёртых, свидетельством институциональной стабилизации семьи стало и улучшение некоторых качественных параметров жизни, включая средний рост её ожидаемой продолжительности, улучшение продовольственного обеспечения населения. И это подтверждают статистические и документальные материалы, приведённые в данной статье.

В-пятых, выражением институциональной стабилизации семьи в годы НЭПа явилось определённое усиление роли семейных ценностей в общественном сознании. В значительной мере это стало следствием сохранения значимости традиционно-религиозного фактора в облике советской семьи исследуемого периода.

Таким образом, институциональная стабилизация семьи стала в 1920-е годы реальностью. Нашему государству тогда удалось обеспечить устойчивость семьи как социального института. Это послужило необходимым условием для начала её постепенной трансформации от клас-

сической патриархальной к новой семейной модели – советской патриархальной семьи. Обстоятельный анализ данной модели применительно к следующему десятилетию советской истории (1930-м годам) [42] уже стал предметом исследования, проведённого автором.

Список литературы

1. Дорохина О.В. Семейная политика государства как объект исследования // Вестник МГУ. Сер. 18. 1997. № 2. С. 118–132.
2. Дорохина О.В. Раннее советское брачно-семейное законодательство: мифы и реалии // Вестник МГУ. Сер. 18. 1998. № 4. С. 138–154.
3. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма: первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2011. 34 с.
4. Земельный Кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (введён в действие 1-го декабря 1922 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19492#0> (дата обращения: 03.04.2018).
5. Доклад т. Штиллера. О кооперации. Протокол 10-го областного совещания завкоуженотделами, 8–10 декабря 1924 г. Протоколы заседаний коллегии Донженотдела, совещания заведующих окружными отделами по работе среди работниц и крестьянок. Донской областной комитет РКП(Б) // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 193. Л. 38.
6. Пособия социальные. Большая Российская Энциклопедия. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/posobija_sotsialnyie (дата обращения: 11.12.2018).
7. Павлов В.С. Социальное страхование и социальное обеспечение в России. К истории вопроса. М.: МГСУ, 1994. 24 с.
8. Народное хозяйство СССР. 1922–1982: Юбил. стат. ежегодник / СЦУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. 624 с.
9. Фракция ВКП(б) Саратовского Губотдела «Медсантруд» 1919–1930 гг. // Государственный архив Саратовской области. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917 – 1930-е годы // В кн.: Социальная история. Ежегодник, 2009. СПб.: Алетейя, 2009. С. 275–295.
11. Хлынина Т.П., Тинский Э.Б. Государственная поддержка и стратегии выживания малообеспеченных категорий населения в республике Адыгея: опыт сравнения 1920-х и 1990-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2006_2/2006-2_HlyninaTinskiy.pdf (дата обращения: 08.06.2017).
12. Циткилов П.Я. История социальной работы. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 448 с.
13. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР. О социальном обеспечении инвалидов от 12.08.1921 г. // В кн.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 1091–1093. URL:

- <http://istmat.info/node/47008> (дата обращения: 10.12.2018).
14. Краткий обзор работы Донского окружного исполнительного комитета за 5 месяцев с 1 октября 1925 по 1 марта 1926 г. Ростов-на-Дону: Трудовой Дон, 1926. 40 с.
15. Детская беспризорность // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. URL: <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/15818/> (дата обращения: 08.01.2018).
16. Войткевич И.Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6002> (дата обращения: 05.04.2017).
17. Приказ Казанского станичного исполкома Донской области об открытии приюта для детей-сирот, 5 января 1920 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 754. Л. 10.
18. Наш край: из истории Советского Дона. В 2 книгах. Документы (октябрь 1917 – 1965 г.). Ростов-на-Дону: Книжное издательство, 1968. Кн. 2. 662 с.
19. О передаче здания быв. Духовного училища в г. Новочеркасске первому краевому исправительно-трудовому дому для несовершеннолетних правонарушителей. В президиум Донского окружного исполнительного комитета, Ростов-на-Дону, 20 июля 1926 год // ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 563. Л. 10.
20. Некрасов А.В. Система социального обеспечения в РСФСР в 1920-е годы (на примере Дона, Кубани и Ставрополя): Дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2009. 24 с.
21. Детская беспризорность. Материал из Википедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C#cite_note.D0.91.D0.A1.D0.AD.E2.80.941969.E2.80.941978.E2.80.94.E2.80.94-1 (дата обращения: 03.03.2018).
22. Воспитанники детдомов ждут помощи // Молот (орган Северо-Кавказского крайкома и Донкама ВКП(б), крайисполкома, Донисполкома и крайсовпрофа). 1929. 13 января.
23. Ростовский М. Несвоевременно. Обсуждаем новый проект закона о брачном и семейном праве // Молот (орган Северо-Кавказского краевого, Донского окружного комитетов ВКП(б) и Донокрисполкома). 1926. 5 января.
24. Елифанов В. Диспут о новом брачном законопроекте // Молот (орган Северо-Кавказского краевого, Донского окружного комитетов ВКП(б) и Донокрисполкома). 1926. 10 января.
25. Кодекс законов о браке, семье и опеке (принят постановлением ВЦИК 19.11.1926 г.). URL: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-o-seme/vospitanie-detej-bez-roditelej/6/postanovlenie-vcik-ot-19-11-1926.html> (дата обращения: 05.04.2018).
26. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с. URL: <http://iknigi.net/avtor-igor-orlov/106294-sovetskaya-povsednevnost-istoricheskiy-i-sociologicheskiy-aspekty- stanovleniya-igor-orlov/read/page-11.html> (дата обращения: 31.03.2018).
27. Юрина Т.В. Советская семья в 1920-е – 1930-е годы: к вопросу об эволюции традиционной системы ценностей. URL: http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Istoria/1_114676.doc.htm (дата обращения: 10.12.2017).
28. Выдержки из писем святителя Феофана Затворника. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/119> (дата обращения: 17.02.2018).
29. Панин С.Е. «Продажная любовь» в советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78–108.
30. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Финансы и статистика, 1998. 222 с.
31. Население СССР. 1988: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1989. 704 с.
32. Народное хозяйство СССР. 1922–1982: Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. 624 с.
33. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. переписи. 1928. Т. 9. 1929. Т. 17.
34. Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (На материалах Астраханской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2004. 18 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/povsednevnost-i-uroven-zhizni-gorodskogo-naseleniya-sssr-v-1920-1930-e-gg-na-materialakh-ast> (дата обращения: 11.12.2018).
35. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1676. Л. 32.
36. Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 856.
37. Нефёдов С.А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 71–78.
38. Методы управления экономикой в годы НЭП. Причины и последствия свертывания новой экономической политики. История. URL: https://vuzlit.ru/616990/prichiny_posledstviya_svertyvaniya_novoy_ekonomicheskoy_politiki (дата обращения: 21.12.2018).
39. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 26 (ненумерованные листы); оп. 82. Д. 1а. Л. 53–56; оп. 83. Д. 1 (ненумерованные листы).
40. Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 850–851.
41. Gregory Freeze. Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography // Russian History. 2017. 44. P. 14. URL: <https://brill.com/ruhi> (дата обращения: 24.10.2018).
42. Циткилов П.Я. Советская патриархальная семья в 1930-е годы // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2. С. 327–390.

**THE PROCESSES OF INSTITUTIONAL STABILIZATION
OF THE FAMILY IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920s**

P.Ya. Tsitkilov

The article examines the process of institutional stabilization of the Soviet family in the 1920s. To some extent, this stabilization was achieved after the civil war and the weakening of family foundations. It is shown that the manifestations of such stabilization include: the recognition of the family's special role in the functioning of economic aspects of public life; the development of the social security system for the family; the changes in the law aimed to consolidate the general principles of family property and the greater equality between spouses, etc. We also analyze some mistakes in the family policy during this period, which were reflected in an unjustified liberalization of some procedural issues of marital relations. However, these shortcomings only partially hindered the process of stabilization of the Soviet family in the period under review.

Keywords: Soviet family, institutional stabilization of the family, social security of the family, family legislation.

References

1. Dorohina O.V. Semejnaya politika gosudarstva kak ob"ekt issledovaniya // Vestnik MGU. Ser. 18. 1997. № 2. S. 118–132.
2. Dorohina O.V. Rannee sovetskoe brachno-semejnoe zakonodatel'stvo: mify i realii // Vestnik MGU. Ser. 18. 1998. № 4. S. 138–154.
3. Alferova I.V. «Zhenskij vopros» v teorii i praktike bol'shevizma: pervoe desyatiletie sovetskoj vlasti. 1917–1927 gg.: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. SPb., 2011. 34 s.
4. Zemel'nyj Kodeks Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (vvedyon v dejstvie 1-go dekabrya 1922 g.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19492#0> (data obrashcheniya: 03.04.2018).
5. Doklad t. Shtillera. O kooperacii. Protokol 10-go oblastnogo soveshchaniya zavokruzhnotdelami, 8–10 dekabrya 1924 g. Protokoly zasedanij kollegii Donzhenotdela, soveshchaniya zaveduyushchih okruzhnymi otdelami po rabote sredi rabotnic i krest'yanok. Donskoj oblastnoj komitet RKP(B) // Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO). F. 4. Op. 1. D. 193. L. 38.
6. Posobiya social'nye. Bol'shaya Rossijskaya Ehnciklopediya. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/posobiia_sotsialnyie (data obrashcheniya: 11.12.2018).
7. Pavlov V.S. Social'noe strahovanie i social'noe obespechenie v Rossii. K istorii voprosa. M.: MGSU, 1994. 24 s.
8. Narodnoe hozyajstvo SSSR. 1922–1982: Yubil. stat. ezhegodnik / SCU SSSR. M.: Finansy i statistika, 1982. 624 s.
9. Frakciya VKP(b) Saratovskogo Gubotdela «Med-santrud» 1919–1930 gg. // Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti. F. 72. Op. 1. D. 1. L. 7.
10. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Ritorika i praktika modernizacii: sovetskaya social'naya politika, 1917–1930-e gody // V kn.: Social'naya istoriya. Ezhegodnik, 2009. SPb.: Aletejya, 2009. S. 275–295.
11. Hlynina T.P., Tinskij Eh.B. Gosudarstvennaya podderzhka i strategii vyzhivaniya maloobespechennyh kategorij naseleniya v respublike Adygeya: opyt sravneniya 1920-h i 1990-h gg. // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2006. № 2. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2006_2/2006-2_HlyninaTinskij.pdf (data obrashcheniya: 08.06.2017).
12. Citkilov P.Ya. Istoriya social'noj raboty. Rostov n/D: Feniks, 2006. 448 s.
13. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR. O social'nom obespechenii invalidov ot 12.08.1921 g. // V kn.: Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1944. S. 1091–1093. URL: <http://istmat.info/node/47008> (data obrashcheniya: 10.12.2018).
14. Kratkij obzor raboty Donskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta za 5 mesyacev s 1 oktyabrya 1925 po 1 marta 1926 g. Rostov-na-Donu: Trudovoj Don, 1926. 40 s.
15. Detskaya besprizornost' // Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya: [v 30 t.] / Gl. red. A.M. Prohorov. 3-e izd. T. 8. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1972. URL: <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/15818/> (data obrashcheniya: 08.01.2018).
16. Vojtkevich I.N. Istoriya besprizornosti v Rossii v 20-e gody XX veka // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6002> (data obrashcheniya: 05.04.2017).
17. Prikaz Kazanskogo stanichnogo ispolkoma Donskoj oblasti ob otkrytii priyuta dlya detej-sirot, 5 yanvary 1920 g. // Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO). F. R-97. Op. 1. D. 754. L. 10.
18. Nash kraj: iz istorii Sovetskogo Dona. V 2 knigah. Dokumenty (oktyabr' 1917 – 1965 g.). Rostov-na-Donu: Knizhnoe izdatel'stvo, 1968. Kn. 2. 662 s.
19. O peredache zdaniya byv. Duhovnogo uchilishcha v g. Novocherkasske pervomu kraevomu ispravitel'no-trudovomu domu dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej. V prezidium Donskogo okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta, Rostov-na-Donu, 20 iyulya 1926 god // GARO. F. R-1798. Op. 1. D. 563. L. 10.
20. Nekrasov A.V. Sistema social'nogo obespecheniya v RSFSR v 1920-e gody (na primere Dona, Kubani i Stavropol'ya): Dis. ... kand. ist. nauk. Novocherkassk, 2009. 24 s.
21. Detskaya besprizornost'. Material iz Vikipedii. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C#cite_note.D0.91.D0.A1.D0.AD.E2.80.941969.E2.80.941978.E2.80.94.E2.80.94-1 (data obrashcheniya: 03.03.2018).
22. Vospitanniki detdomov zhdut pomoshchi // Molot (organ Severo-Kavkazskogo krajnogo komiteta i Donkama

- VKP(b), krajispolkoma, Donispolkoma i krajsovprofa). 1929. 13 yanvarya.
23. Rostovskij M. Nesvoevremenno. Obsuzhdaem novyj proekt zakona o brachnom i semejnom prave // Molot (organ Severo-Kavkazskogo kraevogo, Donskogo okružnogo komitetov VKP(b) i Donokrispolkoma). 1926. 5 yanvarya.
24. Epifanov V. Disput o novom brachnom zakonoproekte // Molot (organ Severo-Kavkazskogo kraevogo, Donskogo okružnogo komitetov VKP(b) i Donokrispolkoma). 1926. 10 yanvarya.
25. Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke (prinyat postanovleniem VCIK 19.11.1926 g.). URL: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-o-seme/vospitanie-detej-bez-roditelej/6/postanovlenie-vcik-ot-19-11-1926.html> (data obrashcheniya: 05.04.2018).
26. Orlov I.B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovleniya. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly ehkonomiki, 2010. 317 s. URL: <http://iknigi.net/avtor-igor-orlov/106294-sovetskaya-povsednevnost-istoricheskij-i-sociologicheskij-aspekty-stanovleniya-igor-orlov/read/page-11.html> (data obrashcheniya: 31.03.2018).
27. Yurina T.V. Sovetskaya sem'ya v 1920-e – 1930-e gody: k voprosu ob ehvolucii tradicijnoj sistemy cennostej. URL: http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Istoria/1_114676.doc.htm (data obrashcheniya: 10.12.2017).
28. Vyderzhki iz pisem svyatitelya Feofana Zastvornika. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/119> (data obrashcheniya: 17.02.2018).
29. Panin S.E. «Prodazhnaya lyubov'» v sovetskoj Rossii (1920-e gody) // Vestnik Evrazii. 2005. № 1. S. 78–108.
30. Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): Stat. sb. / Goskomstat Rossii. M.: Finansy i statistika, 1998. 222 s.
31. Naselenie SSSR. 1988: Statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat SSSR. M.: Finansy i statistika, 1989. 704 s.
32. Narodnoe hozyajstvo SSSR. 1922–1982: Yubil. stat. ezhegodnik / CSU SSSR. M.: Finansy i statistika, 1982. 624 s.
33. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. M.: Centr. statist. upr. SSSR. Otd. perepisi. 1928. T. 9. 1929. T. 17.
34. Kornouhova G.G. Povsednevnost' i uroven' zhizni gorodskogo naseleniya SSSR v 1920–1930-e gg. (Na materialah Astrahanskoj oblasti): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: Rossijskij universitet družby narodov, 2004. 18 s. URL: <http://www.dissertat.com/content/povsednevnost-i-uroven-zhizni-gorodskogo-naseleniya-sssr-v-1920-1930-e-gg-na-materialakh-ast> (data obrashcheniya: 11.12.2018).
35. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki (RGAEH). F. 1562. Op. 15. D. 1676. L. 32.
36. Statisticheskij spravocnik SSSR za 1928 g. M., 1929. S. 856.
37. Nefyodov S.A. Prodovol'stvennoe potreblenie sovetskih trudyashchihsya v 1930-e gg. // Voprosy istorii. 2012. № 12. S. 71–78.
38. Metody upravleniya ehkonomikoj v gody NEhP. Prichiny i posledstviya svertyvaniya novoj ehkonomicheskoj politiki. Istoriya. URL: https://vuzlit.ru/616990/prichiny_posledstviya_svertyvaniya_novoy_ekonomicheskoy_politiki (data obrashcheniya: 21.12.2018).
39. RGAEh. F. 1562. Op. 327. D. 26 (nenumерованные listy); op. 82. D. 1a. L. 53–56; op. 83. D. 1 (nenumерованные listy).
40. Statisticheskij spravocnik SSSR za 1928 g. M., 1929. S. 850–851.
41. Gregory Freeze. Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography // Russian History. 2017. 44. R. 14. URL: <https://brill.com/ruhi> (data obrashcheniya: 24.10.2018).
42. Citkilov P.Ya. Sovetskaya patriarhal'naya sem'ya v 1930-e gody // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2. S. 327–390.